

The illustration depicts a dark, moody interior scene. In the foreground, a young girl sits at a small wooden table, her head resting on her hand in a contemplative or sad pose. On the table are a few books. Behind her, a woman stands with her arms crossed, looking out a window. The window is a four-pane unit, through which a warm, golden light emanates, contrasting with the deep blue and black tones of the room. In the background, to the right, a group of blurred, indistinct figures are visible, suggesting a crowd or a public space. The overall atmosphere is one of solitude and introspection.

ОБЛАСТЬ ТЬМЫ

первая часть трилогии «Та самая пилюля»

Наталья Брагина

Наталья Брагина

Область тьмы

<https://litres.ru/74273262>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это искренняя история о силе духа и поиске себя в мире, навязывающем свои стандарты. В центре — путь девушки, которая с детства учится принимать себя, преодолевая общественное давление и отстаивая право быть собой.

Читатель пройдёт вместе с героиней от детских воспоминаний до взросления — через испытания и поиски своего места в обществе. Каждая глава станет уроком и победой над обстоятельствами. Опора в трудные моменты — близкие люди, а судьбоносные встречи помогают менять жизнь.

Автор делится не только переживаниями, но и ценными уроками, которые помогут отыскать путь к счастью и принятию себя. Книга — гимн стойкости: она напоминает, что наша уникальность и есть главная сила.

Содержание

Введение	4
Глава I. История женщины	6
Часть 1: История одной женщины	6
Часть 2: Родителями становятся, а не рождаются	9
Часть 3: Спасибо обществу за уроки!	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Область тьмы

Введение

Все хоть раз слышали эту фразу: «Тот, кто побывал по ту сторону, в жизни больше ничего не боится». Думаю, автор этих слов прочувствовал их до самой глубины души — пропустил через себя, ощутил каждой клеточкой тела. Вряд ли подобное выпадает на долю каждого, но, пожалуй, каждому знакомо это леденящее чувство: будто ты уже мёртв, хотя сердце по-прежнему бьётся, а мир продолжает кружиться вокруг.

Никто не стремится шагнуть за ту самую грань — никто не строит таких планов и не лелеет подобных намерений. Но жизнь порой подбрасывает такие кульбиты, такие мёртвые петли, что земля уходит из-под ног, а кажется, будто весь мир рухнул. В эти мгновения всё замирает, и ты искренне веришь: это конец, вот оно — то самое дно, ниже которого уже некуда. И именно в эту секунду... оттуда вдруг постучали.

История, которую вы найдёте на страницах этой книги, не просто развернётся перед вами — она будет открываться постепенно, слой за слоем, обнажая не только судьбу главного героя, но и множество переплетённых с ней жизнью и исто-

рий. Каждая из них — как острый осколок, ранящий и меняющий ход событий; каждая становилась той самой причиной, что тянула героя на дно. Вы увидите, как чужие решения, случайные встречи и давно забытые поступки сплетаются в тугой узел, определяя его путь. Эта книга — не просто рассказ об одном человеке, а мозаика судеб, где каждая деталь имеет значение и проливает новый свет на то, что казалось безысходным.

Глава I. История женщины

Часть 1: История одной женщины

Эта история о женщине, которой уже исполнилось тридцать шесть лет. О женщине, которая прошла через многое и по-настоящему ощутила вкус жизни.

Она ждала этого мгновения долго — момента, когда сможет испытать истинное счастье, держа на руках своего малыша. Восемь лет борьбы, восемь лет надежд, которые то вспыхивали ярким пламенем, то едва теплились, грозя угаснуть навеки. Каждый день был испытанием, каждая неудача — ударом, от которого трудно было оправиться. Но она снова и снова вставала, цепляясь за хрупкую веру в то, что всё непременно получится. И вот он — долгожданный финал.

Однако судьба преподнесла ей жестокий обман. То, что казалось кульминацией счастья, оказалось не рождением новой жизни, а концом её собственной. Жизнь, прожитая на выживание, где каждый шаг давался ценой невероятных усилий, где победа казалась почти недостижимой мечтой, подошла к своему последнему рубежу.

И вот, в тот самый миг, когда её последний вздох слился с первым вздохом дочери, время будто замерло. В этом мгно-

вании переплелись две судьбы: одна — уходящая, другая — только начинающаяся. Эта женщина — я.

Я — автор этой книги, и именно моя история откроется перед вами.

Не как сухая хроника событий, а как живое, пульсирующее переживание, в котором каждый сможет разглядеть отголоски своей судьбы. В этих строках спрятаны моменты, до боли знакомые многим: минуты, когда земля уходит из-под ног, когда надежда едва теплится, а силы кажутся исчерпанными. И всё же в них есть и то, что помогает встать и идти дальше.

Путь, который мне довелось пройти, может стать опорой для кого-то.

Возможно, прямо сейчас, когда слова особенно нужны. Вы ещё не знаете меня, но, погружаясь в каждую строчку, почувствуете, как проживаете эти мгновения вместе со мной. Переживёте заново и, возможно, найдёте в них себя: свои страхи, победы, тихие битвы, о которых редко говорят вслух. Люди ежедневно носят маски: одна скрывает улыбку, другая — усталость, третья — надежду, живущую даже там, где ей не место. Мы привыкли судить по внешности, но стоит присмотреться... Моя история не призвана ранить. Напротив, я хочу подарить вам свет ясности ума даже в самой густой темноте. Пусть эти страницы станут не просто чтением, а встречей с собой, чужими судьбами и правдой, которая порой скрывается за обыденными словами.

Эта история не о смерти. Она о том, как то, что казалось концом, оказалось дном, в которое вдруг постучали. И этот стук — знак: ты не один, и даже в самой глубокой темноте есть кто-то, кто слышит твоё молчание.

Но эту кульминацию я приберегу для вас чуть позже. Сейчас я хочу рассказать о тихих, почти незаметных моментах, которые мы редко ценим. О повседневных решениях, случайных словах, мимолётных взглядах, которым не придаём значения. Ведь именно они, как едва уловимые нити, сплетаются в узор нашей судьбы.

Каждый миг нашей жизни отзывается эхом в будущем. Ничто не исчезает бесследно: ни доброе слово, ни горькая обида, ни решение, принятое на бегу. За всё прилетает «ответка» — не как наказание, а как закономерность, отражение наших поступков. Порой самое незначительное событие становится точкой, с которой начинается крутой поворот.

Позвольте мне провести вас по этому пути — от первых шагов до грани, где конец становится началом. Пусть эта история станет не просто рассказом, а возможностью взглянуть на свою жизнь внимательнее и увидеть, как из маленьких мгновений рождается большая судьба.

Часть 2: Родителями становятся, а не рождаются

История моей жизни берёт своё начало в тяжёлое, переломное время — на пороге бурных девяностых. Маленький городок, затерявшийся в глубине нашей страны, ничем не примечательный для посторонних глаз, стал моей малой родиной. Я ни в коем случае не держу на него обиды — просто его атмосфера, пропитанная духом той эпохи, навсегда выросла в мою память. Да, там было немало светлых, по-настоящему прекрасных мгновений, но с годами желание возвращаться туда становится всё реже.

Сейчас этот город подрос, местами обрёл новую красоту, обзавёлся современными улицами и фасадами. Но для меня в нём уже не осталось тех сокровенных уголков, что когда-то были наполнены особым смыслом. Теперь там живут лишь мои родители и покоятся самые дорогие мне люди — и именно эта тихая связь удерживает меня с тем местом.

А начинается всё 13 марта 1990 года. В тот день моя мама собиралась на обычный, ничем не выделявшийся приём к врачу. Перед этим она отвела моего братишку в детский сад — ему тогда было всего пять лет.

Всё шло своим чередом, в ритме привычной суеты, где

каждый шаг казался заученным до автоматизма. Но братик всю дорогу не умолкал, снова и снова спрашивал: «Мам, а ты за лялькой мне пойдёшь?». Мама шла и улыбалась, не подзревая, не предчувствуя, что этот ничем не примечательный день уже несёт в себе зерно перемен — и к вечеру всё необратимо изменится.

В этой обыденности, в этих простых словах ребёнка и тихой материнской улыбке таилась особая хрупкость — будто сама жизнь на мгновение замерла, чтобы потом резко сорваться с места. И именно с этого мгновения, с этой едва уловимой границы между «как всегда» и «уже никогда», и начинается моя история.

Не так много времени прошло с того момента, как мама побывала у врача. Вернувшись домой, она ощутила такую всепоглощающую усталость, будто на её плечи внезапно легла тяжесть целого мира. А следом начался процесс родов — неумолимый, стремительный, переворачивающий привычную жизнь с ног на голову.

В памяти мамы и бабушки тот путь в роддом навсегда остался живым, пульсирующим воспоминанием — каждый раз, когда они его вспоминали, прошлое оживало с новой силой, словно происходило заново.

Весна того года ворвалась в мир неожиданно рано, словно торопилась наверстать упущенное. Она была буйной, неукротимой, рвалась вперёд, не щадя остатков зимы. Дороги, и без того не отличавшиеся качеством, превратились

в настоящее испытание: не осталось ни намёка на прежнюю дорогу — только глубокие колеи, наполненные водой, в которых отражалось хмурое небо, и бурные ручьи, неустанно стекавшие по склонам, унося с собой последние остатки снега. Грязь налипала на обувь, словно живая, воздух пропитался сыростью и пронизывающим холодом. Каждый шаг давался с невероятным трудом, будто сама земля сопротивлялась движению вперёд. Но мама упрямо шла вперёд — сквозь эту непролазную слякоть, сквозь порывистый ветер, который, казалось, специально пытался остановить её.

Жёлтый «Москвич-408» стоял посреди этой грязевой ловушки, словно заколдованный. Казалось, сама дорога не желала пропускать их туда, где должно было произойти нечто настолько важное, что не могло быть просто событием. Ветер рвал воздух на части, швырял в лицо колючие капли дождя, заставляя крепче сжимать руль, хотя это уже ничего не меняло. Но внутри машины происходило нечто большее, чем просто поездка. Там рождался целый мир, и две женщины становились его творцами — каждая по-своему особенному. Одна дарила жизнь своим телом, принимая на себя всю тяжесть и боль, разрывающую её изнутри. Другая вынашивала эту жизнь душой, пропуская через себя каждый крик, каждый спазм, каждую секунду этого невыносимого ожидания.

Их боль стала общей — физической, почти осязаемой. Когда схватки накатывали волной, мама хваталась за бабушку, вцеплялась в её волосы, тянула вниз, словно ища опору в

самой земле, в самой вечности. И бабушка не отстранялась — она принимала эту хватку как клятву, как знак того, что они вместе, что никто не останется один на один с этой невыносимой болью.

Это было больше, чем просто роды — это был первый урок о связи, которую невозможно разорвать ни временем, ни расстоянием, ни даже смертью. Жёлтый «Москвич-408» перестал быть просто машиной — он превратился в символ новой жизни. В его салоне две женщины, преодолевая боль и стихию, создали нечто большее, чем физическое присутствие.

Мама вспоминала об этом с лёгкой улыбкой — не потому, что путь был лёгок, а потому, что память хранит не тяготы дороги, а её суть: движение к чему-то значимому. Но о том, что случилось потом, мама рассказывала мне уже тогда, когда я повзрослела достаточно, чтобы услышать правду и попытаться её осмыслить.

Они так мечтали о дочери. И вот она появилась на свет — я. Казалось бы, это и есть счастье: первый сын, теперь — вторая дочь. Семья становилась полнее, будущее виделось светлее. Родители должны были ликовать, и, наверное, в первые мгновения так и было — в этом особенном, оглушающем восторге, который накрывает при звуке первого крика ребёнка.

Но это мгновение оказалось хрупким, словно тонкое стекло, которое треснуло от одного неосторожного прикоснове-

ния. Когда папа пришёл к роддому, мама через стекло показала ему жест — изобразила косички, давая понять: родилась девочка. В тот миг для него это и было главным. А в мамином сознании уже всё переворачивалось, рушилось и собиралось заново в каком-то ином, непривычном порядке.

Я родилась — и сейчас это назвали бы «с особенностью», а тогда говорили жёстче: «с дефектом». У меня не были сформированы большие пальцы на руках. И в ту же минуту, когда радость должна была расцвести пышным цветом, кто-то предложил маме отказаться от меня. Предложил так буднично, будто речь шла не о жизни, не о судьбе, а о чём-то, что можно отложить в сторону, если оно не соответствует ожиданиям.

Ночная палата провинциального роддома погружена в полумрак. Другие роженицы спят. Молодая мама осторожно достает малышку из пластиковой люльки. Садится на край скрипучей кровати. Вглядывается в лицо дочери. Отмечает длинные ресницы и глубокие синие глаза. Дрожащими пальцами разворачивает тугую пеленку. Высвобождает крошечные руки ребенка. Долго рассматривает отсутствие больших пальцев. Тишина палаты давит. В голове всплывают недавние вердикты врачей и холодные медицинские термины. Мама пытается представить будущее дочери в этом городе. Мучительно размышляет, как девочка будет держать ложку или писать в школе. Накатывает волна паники и парализующего бессилия. Она чувствует острую вину за физи-

ческую особенность ребенка. Внезапно эта малютка крепко сжимает палец матери своей ладонью. Хватка оказывается неожиданно сильной и осознанной. Это физическое прикосновение мгновенно обрывает поток тяжелых мыслей. Страх перед неизвестностью трансформируется в глухое материнское упрямство. Мама теснее прижимает ребенка к себе. Дает внутреннюю клятву стать для дочери защитой. Она окончательно принимает новую реальность без условий. Ночь перестает казаться враждебной. Появляется первая слабая уверенность в том, что они справятся.

И не поддалась страху. Она испугалась, возможно, до такой степени, что это чувство было невозможно выразить словами. Но она выбрала меня — вопреки своим страхам, сомнениям, советам окружающих и их представлениям о том, что такое идеальная семья. В её решении была такая тихая, упрямая сила, что оно стало фундаментом всей моей жизни.

В двадцать четыре года она казалась слишком молодой для той ответственности, что легла на её плечи. Но несмотря на свою внешнюю хрупкость и внутренние тревоги, она выбрала путь матери.

Что было дальше — в какой-то степени, наверное, можно догадаться. Но я всё равно расскажу — не для того, чтобы кого-то задеть, а потому, что эти обрывки воспоминаний, собранные по крупицам, и есть моя правда. Возможно, кто-то из близких, услышав эти слова, почувствует неловкость или даже обиду. Но это жизнь — она не бывает удобной для

всех. И то, что прожито, уже нельзя ни стереть, ни переписать. Факт остаётся фактом, каким бы горьким он ни был.

Для родителей настала пора тяжёлых испытаний — пора, когда им пришлось знакомить со мной всех родных и близких. Каждый имеет право на своё мнение — это было ясно с самого начала. Но в тот момент чужие мнения перестали быть просто словами: они ранили, они давили, они требовали ответов там, где не было ни логики, ни справедливости. Люди, которым хотелось лишь поддержать, вдруг начинали копать в прошлом, искать виноватых, спрашивать: «Почему так? Кто виноват? Как это могло случиться?» Словно рождение ребёнка с особенностью — это чья-то ошибка, чей-то проступок, который нужно искупить.

Из-за этой неловкости, чужих взглядов и несмелых вопросов мне почти полгода не могли дать имя. Будто без имени я оставалась как бы «не до конца» настоящей, будто, пока не названо моё имя, можно было надеяться, что всё как-то само собой исправится. Дни складывались в недели, недели — в месяцы, а я всё ещё была просто «девочкой», без своего собственного слова, без своего места в этом мире.

И вот однажды пришла моя прабабушка. Она развернула меня, внимательно оглядела — не с жалостью, не с испугом, а с той спокойной, твёрдой внимательностью, которая бывает у людей, проживших долгую жизнь и видевших всякое. И сказала: пусть меня назовут Натальей — в честь её мамы. «У неё был дом — полная чаша, — произнесла она просто.

— Пусть и у этой девочки будет так же». В этих словах не было пафоса, не было громких обещаний. Была тихая вера в то, что счастье можно притянуть именем, что доброе пожелание, сказанное от сердца, способно стать оберегом.

Так у меня появилось имя. Настоящее, своё. И с ним будто что-то сдвинулось: я перестала быть «безымянной девочкой» и стала Натальей. Но для родителей испытания на этом не закончились — они только набирали силу, становились глубже и тяжелее. Впереди ждали новые взгляды, новые вопросы, новые моменты, когда нужно было защищать не только меня, но и право любить меня просто за то, что я есть.

Эта история — не о слабости и не о боли. Она о том, как в самые трудные минуты рядом оказываются люди, способные одним словом вернуть смысл и опору. О том, как имя становится первым подарком, а любовь — самой надёжной защитой.

Я бесконечно благодарна своим родителям за то, что ни разу в жизни не почувствовала себя «не такой». В их глазах я всегда была именно той, кем должна быть — целостной, любимой, достойной всего самого лучшего. Я росла в семье, где не существовало никаких ограничений, где меня не пытались «подогнать» под какие-то чужие мерки. Дом был тем самым островком, где мне позволяли быть собой — безоговорочно и без условий.

А вот общество, увы, не спешило принимать меня. Ту самую девочку, с кукольной внешностью, огромным миром в

этих синих глазах и с длинными до бровей ресничками. Оно словно проверяло на прочность, снова и снова выставляя невидимые барьеры.

В моём детстве был эпизод, который навсегда отпечатался в памяти.

Помню тот тёплый день, когда все девочки во дворе увлечённо рисовали на земле петушков. Я, как обычно, старалась не отставать от других, вкладывая в свой рисунок всё своё старание и фантазию. Когда наши творения были закончены, мы, гордые своими работами, позвали женщин и бабушек с лавочки оценить наши старания. Они неторопливо подошли, склонились над рисунками детей, обсуждали, чей петушок получился красивее, кто лучше передал детали. А потом... случилось то, что до сих пор отзывается болью в сердце. Никто даже не заметил, как, переходя от рисунка к рисунку, они затоптали моё творение. Моё маленькое достижение, в которое я вложила столько души, было уничтожено небрежно, равнодушно. С той поры я знаю, как выглядит равнодушие — это следы на рисунке, который никто не заметил.

Но тогда по-настоящему больно было не мне. Боль проживали мои родители — в каждом неловком взгляде, в каждом шёпоте за спиной, в каждой попытке кого-то «посоветовать» или «объяснить», как нам теперь жить. Они несли эту тяжесть молча, стараясь оградить меня от самых острых углов мира. И именно эта их тихая, упрямая защита стала для меня опорой.

Зато в этой борьбе, среди чужой грубости и непонимания, во мне начал формироваться тот самый характер — крепкий, нестигаемый, но при этом не ожесточённый. Он прошёл через огромное количество человеческой глупости и чёрствости, впитал в себя и боль, и стойкость, и умение не терять себя там, где так легко сломаться. И сегодня этот характер даёт мне право говорить об этом вслух — не с обидой, не с желанием кого-то обвинить, а с желанием показать: даже когда мир кажется враждебным, можно остаться собой.

Эта история — не только о преодолении. Она о том, как любовь близких становится бронёй, а собственная сила — голосом, который однажды звучит громко и ясно, чтобы другие, кому сейчас тяжело, услышали: вы не одни, и ваша ценность не зависит от чужих оценок.

Часть 3: Спасибо обществу за уроки!

Так вот, дети — они как мальки в реке: едва выплывают из тихой заводи семьи, как тут же попадают в сильное, порой безжалостное течение общества. И по жестоким законам этого потока выживает сильнейший. На этом этапе жизни я входила в мир словно тот самый гадкий утёнок — тот, кого отвергают на каждом шагу, кто невольно становится мишенью для насмешек сверстников, темой для пересудов взрослых и объектом молчаливой неприязни общества.

Но всё сложилось так, что я родилась маленьким человечком — с крошечными ладошками и огромной душой, переполненной добротой. Я была бесконечно любопытной, жадной до всего нового, хотела успеть узнать и понять как можно больше. Только эпоха девяностых диктовала совсем другие правила. Время было тяжёлое, надломленное: города, затерянные в глубине страны, задыхались под тяжестью перемен, инфраструктура рушилась, а вместе с ней понемногу распалось и само общество. Алкоголь стал печальной нормой, он тихо поселился почти в каждом доме, приглушая боль и заглушая голоса надежды.

И самое страшное заключалось не в общей разрухе, а в

этих будничных, до ужаса обыденных контрастах. Сегодня ты сидишь за столом рядом с каким-нибудь дядей, играешь, ловишь его редкие улыбки, прислушиваешься к низким, вроде бы надёжным словам. А уже на следующий вечер кто-то тихо скажет: «Его больше нет». Для ребёнка такие переходы из «есть» в «нет» без всяких объяснений — это не просто шок, это трещина в самом восприятии мира. Мир вдруг оказывается хрупким, и никто не обещает, что завтра он останется таким же, каким был вчера.

Пришло время идти в начальную школу. Раньше перед официальным началом учёбы детей собирали в классе, знакомили с учителем, проверяли, что они умеют: могут ли держать карандаш, знают ли буквы, понимают ли простые инструкции. Для меня это стало первым настоящим испытанием — я никогда прежде не оказывалась в таком большом скоплении детей. В детский сад я не ходила: мама боялась, что я случайно травмирую свой пальчик, который тогда держался едва ли не на одной коже; да и не везде меня готовы были принять.

В тот роковой день, когда судьба впервые привела меня в школьный класс, время словно остановилось. Холодный пот выступил на лбу, когда я увидела десятки пар любопытных глаз, устремлённых на меня. Чужие лица расплывались перед глазами, превращаясь в размытое пятно, а строгий взгляд учительницы будто пригвоздил меня к месту. Тикающие часов казалось оглушительным в этой звенящей тишине.

Я чувствовала, как дрожат пальцы, как предательски потеют ладони. Казалось, что все в классе могут услышать бешеный стук моего сердца. Волна паники накатила с такой силой, что я едва могла дышать.

Учительница что-то говорила, протягивая мне ручку, но её голос доносился словно издалека, сквозь плотный туман страха и неуверенности. Парализующий ужас сковал мои движения, лишив способности даже пошевелиться. Когда последний ученик покинул класс, оставив меня один на один с учительницей и её просьбой нарисовать хоть что-нибудь, во мне что-то надломилось. Внутренний стержень, о существовании которого я даже не подозревала, вдруг дал о себе знать.

Медленно, словно во сне, я взяла карандаш. Пальцы предательски дрожали, но я заставила себя сосредоточиться. Белые листы бумаги манили меня своей чистотой и я отключилась в тот миг от внешнего мира.

Карандаш заскользил по бумаге, оставляя первые неуверенные линии. С каждым движением страх отступал, уступая место новому ощущению — ощущению силы и уверенности. Я рисовала не просто каракули — я рисовала принцессу с мелкими элементами, прорисованными до складочек и орнамента узора. Но фоновый разговор меня вернул в явь.

Я помню тот момент с пугающей ясностью: пока взрослые тихо переговаривались, учительница обронила фразу про класс коррекции. И я видела, как побледнела мама, как

в её глазах мелькнул тот самый страх — не за себя, а за моё будущее, за то, что мир снова готов отодвинуть меня в сторону, обозначить как «другую». Но потом они увидели мой рисунок. Он, наверное, был простым, детским, но в нём была старательность, была попытка дотянуться до этого нового, незнакомого мира. И учительница сказала: «Пусть попробует в обычном классе. Если будет тяжело — всегда успеем перевести в коррекционный». Тогда я ещё не понимала всей тяжести этих слов, не осознавала, сколько в них было и сомнения, и осторожной надежды.

Но самое страшное ждало впереди. Оно случилось 2 сентября. Тот день должен был стать началом новой главы, обещанием, что теперь всё пойдёт по-другому. А вместо этого он стал той самой гранью, за которой детство окончательно столкнулось с суровой реальностью мира, не готового сразу распахнуть объятия каждому, кто в них нуждается.

Эта история — о том, как хрупка бывает первая встреча ребёнка с обществом, как много значит одно вовремя сказанное слово и как тяжело бывает родителям стоять на этой невидимой линии, защищая своих детей от чужих оценок и готовых ярлыков. И о том, что даже в моменты самого сильного смущения и страха в нас уже живёт та сила, которая однажды поможет не просто выстоять, а рассказать свою правду — громко и без оглядки.

В моей памяти навсегда запечатлелось то утро второго сентября — утро, которое навсегда изменило мою жизнь.

Солнечный свет лился в окно, рисуя на стенах причудливые узоры, а в воздухе витало особое, почти волшебное ощущение начала чего-то нового.

Я проснулась с таким невероятным счастьем в душе, что казалось, будто внутри меня распустился целый букет радости. Школа... Это слово звучало как музыка, как обещание новой жизни, полной открытий и приключений. Детская непосредственность и восторг переполняли меня, заставляя прыгать и кружиться по комнате. Я носилась как заводная, репетируя перед зеркалом, как буду сидеть за партой, как подниму руку, как отвечу на вопрос учительницы. Моё волнение было настолько сильным, что я порхала как птичка — мама с улыбкой пыталась укротить мой пыл и привести причёску в порядок.

В тот момент я была похожа на маленький вихрь счастья, на искрящийся фейерверк эмоций. Моё лицо светилось от радости, глаза сияли, а сердце билось так сильно, что, казалось, готово было выпрыгнуть из груди. Держа маму за руку, я почти летела к школе, таща её за собой с такой силой, будто за спиной у меня выросли крылья. Предвкушение новой жизни наполняло каждую клеточку моего существа, делая мир ярче и прекраснее.

Когда мы наконец пришли, в моей груди трепетало что-то настолько нежное и трепетное, словно птица действительно готовилась выпорхнуть из моей души. Это было чувство чистого, незамутнённого восторга, которое бывает только в

детстве, когда весь мир кажется добрым и прекрасным. Мама заботливо посадила меня у окна, на третью парту — она всегда думала обо мне, выбирая место поближе к учительнице, чтобы я могла лучше слышать и видеть. Материнская забота окутывала меня как тёплый плед, давая ощущение безопасности и защищённости в этот важный момент.

В тот день я была маленькой, хрупкой девочкой с большими мечтами и безграничной верой в добро. И хотя я не знала, какие испытания готовит мне судьба, в моём сердце жила уверенность, что всё будет хорошо. Ведь в тот момент весь мир казался таким прекрасным и полным возможностей...

Это утро навсегда бы осталось в моей памяти как символ невинности и чистоты детских надежд, как напоминание о том времени, когда мир казался безграничным, а счастье — таким близким и осязаемым. Но...

Тогда общество словно было поделено невидимой, но очень жёсткой чертой: на «простых людей» и на тех, кто считал себя выше, кто принадлежал к так называемой верхушке. Сейчас таких называют элитой, но в том маленьком классе эта «элита» проявлялась не в манерах и не в образовании, а в праве диктовать, кому где сидеть и кто достоин быть рядом с их детьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.